

Максим Козлов

Счастье с доставкой

Максим Козлов
Счастье с доставкой

«Автор»

2026

Козлов М.

Счастье с доставкой / М. Козлов — «Автор», 2026

Они называют это «Счастье с доставкой». Курьеры таинственной службы — те, кто уже умер. Они получили второй шанс, но цена проста: нельзя вмешиваться в чужие судьбы, нельзя раскрывать себя. Только везти посылки. Вовремя. В нужное место. Им кажется, что в коробках — чужие жизни. Главный герой — циник, который развозит заказы и давно привык к пустоте внутри. Пока однажды не получает адрес, который знает наизусть двадцать лет. Пока не видит на пороге ту, кого любил при жизни. Пока не понимает: конверт в его кармане — последняя доставка, которая изменит всё. Правила просты: отдать письмо — исчезнуть навсегда. Не отдать — потерять работу и остаться ничем. Но есть третий путь — нарушить всё, чтобы остаться с ней хотя бы на мгновение. Это история не о смерти. Это история о том, что настоящая жизнь начинается только тогда, когда перестаёшь бояться. Даже если ты уже мёртв.

© Козлов М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Курьер	5
Глава 2. Склад	16
Глава 3. Правила	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Счастье с доставкой

«Иногда счастье приходит не в коробке. Иногда оно стоит под дверью и боится постучать. А иногда оно становится невидимым, чтобы остаться навсегда.»

Глава 1. Курьер

Дождь начинался всегда одинаково. Сначала одна капля разбивалась о козырёк фургона. Потом тишина. Потом всё остальное.

Я сидел за рулём и смотрел на светофор. Красный. Горел ровно. Никуда не спешил.

— Заказ триста сорок два, — сказал голос из планшета. — Принять?

Голос был женским. Спокойным. Мёртвым. Все голоса здесь были мёртвыми. Но этот нравился мне больше других. Она говорила так, будто читала вслух то, что уже случилось.

— Принять, — сказал я.

Планшет пискнул. На экране появился адрес. Улица Ленина. Дом двадцать четыре. Квартира восемь. Получатель: Анна Сергеевна Воронцова.

Я знал этот адрес. Знал его двадцать лет. Знал, как выглядит подъезд, где скрипит дверь, какая лампочка на третьем этаже перегорела и никогда не горела снова.

Я не шевельнулся.

Дождь перестал быть редким. Он пошёл стеной. Я смотрел на воду, которая текла по стеклу, и думал о том, что вода не знает, куда ей течь. Она просто течёт. Это делает её честной.

— Курьер триста двенадцать, — сказал голос. — Подтвердите принятие.

— Подтверждаю.

Я взял планшет. Нажал зелёную кнопку. В фургоне зажёгся мягкий жёлтый свет. В отсеке сзади что-то звякнуло. Посылка.

Они никогда не говорили, что внутри. Это было не моё дело. Моё дело — довести. От точки А до точки Б. Не вскрывать. Не читать. Не думать.

Я думал.

Посылка была маленькой. Я знал это по звуку. Лёгкий стук картонной коробки о металлическую полку. Ничего тяжёлого. Ничего, что могло бы разбиться.

Я завёл двигатель.

Фургон был старым. Он назывался «ГАЗ-2705». При жизни я не умел водить. Теперь умел. Теперь я умел всё, что нужно для работы. Умел парковаться. Умел ждать. Умел смотреть на чужие двери и не стучать.

Красный сменился зелёным.

Я поехал.

Город был серым. Он всегда был серым, когда шёл дождь. Но сегодня он казался серым как-то особенно. Будто кто-то взял акварель и смешал все краски в одну. Получилось ничто.

Я ехал по проспекту Мира. Слева был парк. Тополя. Они стояли мокрые и тяжёлые. Ветер качал их, но они не гнулись. Тополя не гнутся. Они ломаются.

Я знал это.

Справа была школа. 14. Жёлтое здание с белыми колоннами. На крыше висел флаг. Мокрый. Он не развевался. Просто висел.

В этой школе я никогда не учился. Но я знал её. Знал, что за ней есть двор, а во дворе — качели. Одна из них сломана. Её сломали лет пятнадцать назад, но так и не починили.

Я не знал, почему я это помнил.

— Курьер триста двенадцать, — сказал голос. — Ваш маршрут скорректирован. Заезд на склад.

— Зачем?

— Дополнительный груз.

Я хотел сказать, что у меня уже есть груз. Что я везу посылку на улицу Ленина, дом двадцать четыре, квартиру восемь. Что я ждал этого заказа двадцать лет.

Я ничего не сказал.

— Принято, — сказал я.

Склад был на окраине. Я доехал за десять минут. Дождь не кончался. Он становился сильнее, потом тише, потом снова сильнее. Как пульс. Как дыхание. Как счётчик, который отсчитывает что-то, чего я не понимал.

Я заглушил двигатель. Вышел из фургона.

Воздух пах озоном и мокрым асфальтом. И ещё чем-то. Чем-то, что было знакомо. Химия. Формалин. Чистящие средства. Смерть, которая притворяется чистотой.

Склад был ангаром. Серым. Длинным. С одной дверью, которая открывалась по карточке. Карточка у меня была.

Я приложил её. Дверь щёлкнула.

Внутри было светло. Белый свет. Ровный. Без теней. Такие лампы ставят в операционных. Или в моргах.

— Курьер триста двенадцать, — сказал голос из динамиков. Он был везде. В ангаре он звучал громче. — Ваш дополнительный груз готов.

Я посмотрел на стойку. На ней лежал конверт.

Белый. Обычный. С одной печатью. Печать была красной. На ней был знак компании. Круг. Внутри круга — две линии, которые пересекались, но не касались.

Я взял конверт.

Он был лёгким. Тонким. Внутри был лист бумаги. Один.

— Получатель: Анна Сергеевна Воронцова, — сказал голос. — Улица Ленина, двадцать четыре, квартира восемь.

Я сжал конверт.

— Я уже везу ей посылку, — сказал я.

— Теперь везёте два груза.

— Что в конверте?

— Вы не имеете права вскрывать груз.

— Я знаю правила.

— Тогда не задавайте вопросов.

Я положил конверт в карман куртки. Куртка была синей. На спине — надпись белыми буквами: «Счастье с доставкой». Слоган был дурацким. Я говорил об этом на собеседовании. Мне сказали, что это не моё дело.

Мне часто говорили, что это не моё дело.

Я вышел из ангара. Дождь кончился. Небо стало чистым. Серым, но чистым. Без туч. Будто кто-то вытер его тряпкой.

Я сел в фургон. Закурил. Сигареты здесь были другими. Они не имели вкуса. Дым шёл, но не пах. Как будто куришь воздух. Но привычка осталась. Привычки не умирают.

Я смотрел на планшет. Маршрут был проложен. Улица Ленина, двадцать четыре. Время в пути — четырнадцать минут. Время доставки — девятнадцать тридцать.

Было девятнадцать пятнадцать.

Я завёл двигатель.

Я думал о ней. Не о той, что ждала на складе. О другой. О той, что жила на Ленина, двадцать четыре.

Я думал о том, как она выглядит. Прошло двадцать лет. Двадцать лет — это много. Это целая жизнь. Иногда две.

При жизни я был другим. Я был живым. Я смеялся. Я пил. Я говорил глупости. Я думал, что время бесконечно.

Теперь я знал, что это не так.

Я ехал по улице Горького. Слева был кинотеатр. «Родина». Он был закрыт. Заколочен. На вывеске не хватало двух букв. Я помнил, как ходил туда. Помнил запах попкорна и тёмный зал.

Я помнил её руку. Она сидела справа. Держала меня за руку. Сильно. Будто боялась потерять.

Она потеряла.

Я не хотел вспоминать. Но память не спрашивала разрешения. Она просто приходила. Как дождь. Как этот дурацкий светофор, который всегда загорается красным, когда ты торопишься.

Я свернул на набережную. Река была спокойной. Серой. Она отражала небо, и казалось, что неба нет, а есть только вода и ещё одна вода сверху.

Я сбавил скорость.

На набережной никого не было. Только мокрые скамейки и пустые дорожки. Я помнил эту набережную. Мы гуляли здесь ночью. Она говорила, что хочет уехать. В другой город. В другую жизнь. Я говорил, что поеду с ней.

Я не поехал.

Я умер.

Это было не геройство. Не трагедия. Просто факт. Однажды утром я проснулся, и меня не стало. Не было боли. Не было света в конце тоннеля. Было утро, а потом ничего. А потом я открыл глаза и сидел в этом фургоне.

Мне сказали, что я могу вернуться. Не в жизнь. В работу.

— Вы будете доставлять счастье, — сказала женщина на собеседовании.

— Звучит как дерьмо, — сказал я.

— Это ваше дело. Но вы получаете второй шанс.

— Какой шанс?

— Шанс смотреть.

Она была права. Это был шанс. Не жить. Не любить. Смотреть.

Я смотрел два года.

Я видел женщин, которые открывали дверь и плакали. Я видел мужчин, которые брали коробку и не могли её открыть. Я видел детей, которые не понимали, что внутри, но уже улыбались.

Я не знал, что в коробках. Но я знал, зачем их отправляют.

Их отправляют, чтобы сказать: «Я здесь». Или: «Я помню». Или: «Ты не один».

Иногда я думал, что это жестокая работа. Давать людям надежду, которую они не просили. Но правила были простыми. Я не решаю. Я везу.

Я подъехал к дому.

Улица Ленина, двадцать четыре. Это была пятиэтажка. Серая. Обшарпанная. С балконами, которые никто не ремонтировал. На одном из них висело бельё. Мокрое. Оно висело там уже несколько дней.

Я заглушил двигатель.

Посмотрел на часы. Девятнадцать двадцать восемь.

Я сидел и смотрел на подъезд. Дверь была деревянной. Краска облупилась. Над дверью горела лампочка. Она мигала. Тускло. Будто ей тоже было тяжело.

Я взял планшет. Нажал кнопку «Прибыл».

— Заказ триста сорок два, — сказал голос. — Время доставки девятнадцать тридцать. Подтвердите готовность.

— Подтверждаю.

— Курьер триста двенадцать. Напоминание. Вы не имеете права вступать в контакт. Вы не имеете права раскрывать личность. Вы не имеете права отвечать на вопросы. Вы доставляете груз и уходите.

— Я знаю правила.

— Повторите.

— Доставить и уйти.

— Верно.

Я вышел из фургона.

Воздух после дождя был сырым. Холодным. Я натянул капюшон. Взял посылку из отсека. Она была маленькой. Картонной. Весила почти ничего.

Конверт был в кармане.

Я пошёл к подъезду.

Дверь скрипнула. Я знал, что она скрипит. Я помнил этот звук. Он не изменился. Ничто здесь не изменилось. Только я. Я стал другим.

Подъезд пах сыростью и кошками. И ещё чем-то. Старостью. Не старостью лет. Старостью вещей, которые никто не любит.

Я поднялся на третий этаж.

Лампочка не горела. Я знал, что она не горит. Она не горела двадцать лет. Может быть, её никогда и не было. Может быть, я придумал эту лампочку.

Квартира восемь была слева.

Дверь была железной. Обита дерматином. На дверях всегда обивка, когда люди боятся шума. Или когда им кажется, что так теплее.

Я стоял перед дверью.

Я слышал звуки за ней. Телевизор. Голос диктора. Что-то о погоде. Потом тишина. Потом шаги.

Она шла к двери.

Я сжимал коробку. Пальцы не слушались. Я хотел вытащить конверт. Отдать его вместе с коробкой. Но правила были другими. Конверт был отдельным грузом. Его нужно было доставить отдельно.

Я не знал, зачем.

Дверь открылась.

Она стояла на пороге.

Я узнал её. Не сразу. Сначала я увидел руки. Они были сухими. Кожа на костяшках потрескалась. Она мыла посуду. Или пол. Или просто старела.

Потом я увидел лицо.

Морщины. Глаза стали глубже. Волосы короче. Седина у висков. Она была красивой. Не той красотой, которая бывает в двадцать. Другой. Той, которая остаётся, когда всё остальное уходит.

Она смотрела на меня.

— Доставка, — сказал я.

Голос был чужим. Не моим. Я говорил, как всегда говорил на работе. Сухо. Быстро. Без интонации.

Она посмотрела на коробку. Потом на меня.

— От кого? — спросила она.

— Не указано.

— Это ошибка. Я ничего не заказывала.

— Адрес верный. Анна Сергеевна Воронцова?

— Да. Но я...

— Распишитесь, пожалуйста.

Я протянул планшет. Она взяла его. Её пальцы дрожали. Чуть-чуть. Я заметил, потому что смотрел на её руки. Я всегда смотрел на руки. Руки не врут.

Она подписала. Завитушка. Быстрая. Нервная.

Я отдал коробку.

Она взяла её. Держала, как держат что-то, что может взорваться. Или как держат то, что боишься открыть.

Я должен был уйти.

Я не ушёл.

Она смотрела на коробку. Потом снова на меня.

— Вы похожи, — сказала она.

Моё сердце. Если оно у меня было. Если оно вообще билось. Оно пропустило удар.

— На кого? — спросил я.

— Ни на кого. Просто показалось.

Она закрыла дверь.

Я стоял.

Дверь была закрыта. Я слышал, как она отошла. Как села. Как открыла коробку.

Тишина.

Потом звук. Приглушённый. Как будто она закрыла лицо руками.

Я знал, что было в коробке. Не потому, что я вскрывал груз. Я знал, потому что это был мой заказ. Мой. Я сделал его два года назад, когда понял, что не могу послать письмо.

В коробке была шкатулка. Деревянная. Маленькая. С вырезанным на крышке деревом. Я вырезал это дерево ночью. Долго. Пока не стёр пальцы.

Внутри было кольцо.

Я купил его двадцать лет назад. В ювелирном на Советской. Оно стоило всех моих денег. Я хотел подарить его в тот вечер. В парке. На качелях.

Я не подарил.

Я испугался.

Я сказал, что мы ещё успеем. Что у нас есть время. Что я сделаю это завтра. Или через неделю. Или когда стану лучше. Когда буду достоин.

Я не стал лучше.

Я умер.

И теперь она сидела там, за дверью, и держала в руках кольцо, которое я не посмел подарить при жизни.

Я достал конверт.

Белый. Тонкий. Красная печать.

Я должен был постучать. Отдать. Сказать: «Это вам. Дополнительный груз». И уйти.

Я не постучал.

Я стоял в темноте. Лампочка не горела. Ничего не горело. Только свет из-под двери. Слабый. Тёплый.

Я сунул конверт обратно в карман.

Я спустился вниз. Вышел на улицу. Сел в фургон. Завёл двигатель.

Планшет пискнул.

— Заказ триста сорок два выполнен. Статус: доставлен. Получатель: Анна Сергеевна Воронцова.

Я смотрел на экран.

— Курьер триста двенадцать. У вас есть дополнительный груз. Конверт. Адрес: улица Ленина, двадцать четыре, квартира восемь. Время доставки не ограничено. Но мы рекомендуем не затягивать.

Я выключил планшет.

Дождь начался снова. Одна капля. Потом тишина. Потом всё остальное.

Я сидел и смотрел на окна. Третий этаж. Свет горел в комнате слева. Её комната. Я знал, как она выглядит внутри. Жёлтые обои. Книжный шкаф. На столе — чашка. Она всегда пила чай из одной чашки. С трещиной. Я говорил, что нужно выбросить. Она говорила, что привыкла.

Я привык.

Свет погас.

Я смотрел на тёмное окно. Ждал. Не знал чего. Может быть, того, что она выйдет. Подойдёт к фургону. Постучит в стекло. Скажет: «Я знаю. Это ты».

Она не вышла.

Я завёл двигатель. Выехал с улицы Ленина. Повернул налево. Потом направо. Потом на кольцевую.

Город спал. Или делал вид. Фонари горели ровно. Никто не спешил. Никто не ждал.

Я ехал в никуда.

Планшет молчал. Я был рад. Я не хотел слышать голос. Не хотел новых заказов. Не хотел смотреть на чужие жизни.

Я хотел открыть конверт.

Я знал, что нельзя. Правила были простыми. Не вскрывать. Не читать. Не думать. Доставить и уйти.

Я свернул на набережную.

Река была чёрной. Фонари отражались в ней, и казалось, что под водой есть другой город. С другими улицами. Другими домами. Другой жизнью.

Я остановился.

Достал конверт.

Держал его в руках. Он был лёгким. Тёплым. Как будто внутри было что-то живое.

Я повертел его. Посмотрел на печать. Две линии, которые пересекались, но не касались.

Я мог открыть. Просто надорвать край. Посмотреть. Узнать.

Я не открыл.

Я положил конверт на пассажирское сиденье. Достал сигарету. Закурил.

Дым не пах. Воздух был пустым. Как и всё вокруг.

Я вспомнил её лицо. Не то, которое увидел сегодня. То, которое помнил. Двадцать лет назад. Она смеялась. Она была живой. Она верила, что я приду.

Я не пришёл.

Я умер.

Но это не оправдание. Смерть — не оправдание. Ты либо приходишь, либо нет. Живой или мёртвый. Разницы нет.

Я смотрел на конверт.

— Что мне делать? — спросил я вслух.

Никто не ответил.

Планшет молчал. Река молчала. Город молчал.

Только дождь шептал что-то по крыше. Но дождь всегда шепчет. Это его работа. Шептать то, что никто не слышит.

Я затушил сигарету. Положил руки на руль.

Я знал, что должен вернуться. Постучать в дверь. Отдать конверт. Сказать: «Это вам». И уйти.

Я знал, что если я этого не сделаю, они узнают. Они всегда узнают. Компания видела всё. Каждый шаг. Каждую остановку. Каждую секунду, когда я нарушал правила.

Я нарушил правило, когда не ушёл сразу.

Я нарушил правило, когда стоял под дверью.

Я нарушу правило, если не отдам конверт.

Я снова посмотрел на окна. Третий этаж. Свет не горел.

Я завёл двигатель.

Я поехал не к её дому. Я поехал на склад. Сдать пустой фургон. Закончить смену. Спрятать конверт. Решить завтра.

Завтра всегда есть. Это единственное, что остаётся у мёртвых.

Я припарковался. Выключил двигатель. Взял конверт.

Склад был пуст. Белый свет. Ровный. Без теней.

Я прошёл к стойке. Посмотрел на ячейки. Моя была 312. Я открыл её. Внутри было пусто. Только пыль.

Я положил конверт.

Закрыл ячейку.

— Смена окончена, — сказал голос из динамиков. — Отдыхайте.

Я вышел.

На улице было темно. Дождь кончился. Звёзд не было. Только тучи.

Я пошёл пешком. Не знал куда. Просто шёл.

Я думал о том, что у неё теперь есть кольцо. Что она держала его в руках. Что она плакала. Я не видел, но знал.

Я думал о том, что конверт лежит в ячейке. Что завтра я возьму его. Или не возьму. Или возьму, но не отдам.

Я думал о том, что она сказала: «Вы похожи».

Она узнала. Нет. Не узнала. Просто почувствовала. Люди чувствуют то, что не видят. Это единственное, что остаётся, когда зрение обманывает.

Я шёл по набережной.

Вода была спокойной.

Я остановился. Посмотрел вниз. Увидел своё отражение. Синяя куртка. Капюшон. Лицо в тени.

Я не знал, как я выгляжу. Зеркал здесь не было. Компания не хотела, чтобы мы смотрели на себя. Может быть, боялись, что мы не узнаем.

Я не узнал.

Отражение было чужим. Какой-то мужчина в форме курьера. Уставший. Одинокий. Мокрый.

Я отошёл от парапета.

Достал телефон. Не планшет. Обычный телефон. Старый. Кнопочный.

В нём был один номер. Я набрал его два года назад. Ни разу не позвонил.

Номер Анны.

Я смотрел на экран. Зелёная кнопка вызова была маленькой. Но весила тону.

Я нажал.

Гудки. Длинные. Ровные.

— Алло? — голос. Сонный. Хриплый.

Я молчал.

— Алло? — снова она.

Я сбросил.

Сел на мокрую скамейку.

Дождь начался снова. Одна капля упала мне на лицо. Холодная. Честная.

Я поднял голову.
Небо было чёрным. Ничего. Пустота.
— Что мне делать? — спросил я снова.
Дождь не ответил.
Только капал. Мерно. Бесконечно.
Как время.
Как жизнь, которой у меня больше нет.
Я сидел на скамейке, и вода стекала по лицу. Я не вытирал её. Пусть течёт.
Телефон зажужжал.
СМС.
Неизвестный номер.
Я открыл.
«Кто это?»
Я не ответил.
Телефон зажужжал снова.
«Пожалуйста. Кто это?»
Я смотрел на экран. Слова расплывались. Дождь или слёзы. Какая разница.
Я набрал: «Ошибка. Извините».
Отправил.
Выключил телефон.
Встал.
Пошёл.
Не знал куда. Просто шёл. По набережной. В темноту. В дождь. В ничто.
Я думал о том, что завтра будет новый заказ. Другой адрес. Другая жизнь. Я буду сидеть в фургоне. Смотреть на светофоры. Ждать зелёного.
Я думал о том, что конверт лежит в ячейке. Что я могу забрать его. Могу открыть. Могу прочитать. Могу узнать, что написано на том листе бумаги.
Я думал о том, что если я прочитаю, то не смогу отдать. Потому что письмо — это не просто слова. Письмо — это часть тебя, которую ты отдаёшь. А я уже отдал всё. Двадцать лет назад. В парке. На качелях.
Я не отдал. Я испугался.
Я шёл, и дождь не кончался.
Он лил. Он заливал всё. Улицы. Дома. Фонари. Мою куртку. Мои волосы. Мои глаза.
Я остановился.
Повернул обратно.
Не к складу. Не к фургону. К её дому.
Я шёл быстро. Не бежал. Но шёл так, будто кто-то толкал меня в спину.
Я знал, что делаю. Я знал, что нарушаю. Я знал, что будет после.
Мне было всё равно.
Я дошёл до улицы Ленина. Двадцать четыре.
Свет в окне горел.
Я вошёл в подъезд. Поднялся на третий этаж. Лампочка не горела. Но я видел. Я всё видел.
Я достал телефон. Включил.
Нашёл номер. Нажал вызов.
Один гудок.
— Алло?
— Это я, — сказал я.
Тишина.

— Кто? — спросила она. Голос дрожал.
— Тот, кто должен был прийти двадцать лет назад.
Я стоял перед дверью. Слышал её дыхание. Она была по ту сторону. Так же, как двадцать лет назад. Только теперь я был мёртв. А она жива.
— Открой, — сказал я.
— Я не понимаю...
— Открой дверь. Пожалуйста.
Тишина.
Потом шелчок замка.
Дверь открылась.
Она стояла в халате. Растрёпанная. Испуганная. В руках держала шкатулку.
Она смотрела на меня.
Я смотрел на неё.
— Это ты, — сказала она. Не спросила. Сказала.
— Да.
— Но ты...
— Я умер. Да.
Она покачнулась. Я шагнул вперёд. Поймал её за локоть. Кожа была горячей. Живой.
— Как это возможно? — прошептала она.
— Не знаю. Я просто работаю. Доставляю посылки.
Она смотрела на мою куртку. Надпись: «Счастье с доставкой».
— Это ты прислал кольцо?
Я кивнул.
Она сжала шкатулку.
— Двадцать лет, — сказала она. — Двадцать лет я ждала. Ждала, пока не перестала. А потом ты приходишь. Мёртвый. С посылкой.
— Я должен был отдать ещё кое-что.
Я полез в карман. Конверта там не было. Я забыл. Он был на складе. В ячейке.
Я выругался.
— Что? — спросила она.
— Я забыл. Письмо. Оно на складе.
Она смотрела на меня. Потом рассмеялась. Тихо. Сначала. Потом громче. Смех перешёл в кашель. Потом в слёзы.
Она плакала. Стояла в дверях и плакала. Держала шкатулку. Смотрела на меня.
— Заходи, — сказала она.
— Я не могу.
— Почему?
— Правила. Я не имею права...
— Ты уже нарушил все правила. Заходи.
Я переступил порог.
Квартира пахла её духами. Те же. Я помнил этот запах. Жасмин. И ещё что-то. Тёплое. Домашнее.
Я закрыл дверь.
Мы стояли в прихожей. Она смотрела на меня. Я на неё.
— Ты не изменился, — сказала она.
— Ты изменилась.
— Старая.
— Красивая.
Она улыбнулась. Грустно.

— Двадцать лет, — сказала она. — Где ты был?

— Я был мёртв.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ.

Она прошла на кухню. Я за ней.

На столе стояла чашка. С трещиной. Я помнил её.

Она налила чай. Поставила передо мной.

— Пей, — сказала она.

— Я не пью.

— Ты всегда пил.

— Теперь нет. Я не могу. Я ничего не могу. Только доставлять.

Она села напротив.

— Расскажи, — сказала она.

— Нечего рассказывать.

— Расскажи, как ты умер.

— Это не важно.

— Для меня важно.

Я молчал.

— Я ждала тебя, — сказала она. — В парке. На качелях. Я сидела до утра. Думала, что ты испугался. Что ты уехал. Что ты нашёл другую.

— Я не нашёл другой.

— Я знаю. Теперь знаю.

Она взяла шкатулку. Открыла. Кольцо лежало на бархате. Серебро. Тонкое. С камнем. Небольшим. Голубым.

— Я купил его за месяц до того дня, — сказал я.

— Я знаю.

— Откуда?

— Ты всегда плохо прятал. Я нашла чек. В твоей куртке. Когда забирала вещи.

Я не знал. Я думал, что никто не узнал.

— Я ждала, что ты подаришь, — сказала она. — В тот вечер. В парке. Я знала, что кольцо в твоём кармане. Я чувствовала.

— Я испугался.

— Я знаю.

— Я думал, что ещё успею. Что завтра. Или через неделю. Когда стану лучше.

— Ты не стал лучше.

— Нет.

— Ты умер.

— Да.

Она надела кольцо на палец. Оно подошло. Идеально.

— Я носила его на нитке. Под одеждой. Двадцать лет, — сказала она. — Потом нитка порвалась. Я потеряла. Нашла через месяц. Но уже не надела. Решила, что хватит.

— Прости, — сказал я.

— Не надо.

— Я должен был...

— Ты ничего не должен. Ты мёртв. Это всё меняет.

Она смотрела на меня. Глаза были сухими. Твёрдыми.

— Зачем ты пришёл? — спросила она.

— Я не знал. Я просто пришёл.

— Ты хочешь остаться?

— Я не могу. У меня работа.

— Твоя работа — развозить счастье. Но ты сам несчастен.

— Это не важно.

— Это всё, что важно.

Она встала. Подошла ко мне. Взяла мою руку. Её пальцы были тёплыми. Мои — холодными.

— Ты чувствуешь? — спросила она.

— Нет. Я ничего не чувствую.

— Врёшь.

Я сжал её руку. Я чувствовал. Всё. Тепло. Пульс. Жизнь.

— Я не могу остаться, — сказал я.

— Можешь. Просто реши.

— Если я останусь, они заберут меня. Я не знаю, куда. Но заберут.

— Тогда уходи, — сказала она. — Уходи и не возвращайся.

Она отпустила мою руку.

Я стоял. Смотрел на неё. На кольцо. На чашку с трещиной.

Я хотел остаться. Я хотел обнять её. Сказать, что я люблю её. Что я всегда любил. Что смерть ничего не меняет.

Я не сказал.

Я повернулся и вышел.

Она не остановила меня.

Я спустился по лестнице. Вышел на улицу. Дождь кончился. Небо начало светлеть. Рассвет.

Я шёл по пустой улице. Знал, что должен вернуться на склад. Отметится. Получить новую смену.

Я знал, что конверт лежит в ячейке. Что я могу забрать его. Могу прочитать. Могу отдать. Могу порвать.

Я не знал, что выберу.

Я шёл, и город просыпался. Первые машины. Первые люди. Первые светофоры, которые загорались зелёным для тех, кто спешил жить.

Я не спешил.

Я был мёртв. Но я шёл. Шёл туда, где меня ждали. Или не ждали.

Я не знал.

Я просто шёл.

Глава 2. Склад

Я вернулся на склад в шесть утра.

Небо над ангаром было серым. Не тем серым, который бывает перед дождём. Тем, который бывает, когда дождь уже прошёл, но небо не помнит, каким ему быть.

Я стоял перед дверью. Карточка была в кармане. Я не доставал её.

Я думал о том, что скажу. Если скажут что-то. Может быть, они ничего не скажут. Может быть, они уже знают. Они всегда знают.

Я достал карточку. Приложил.

Дверь щёлкнула.

Внутри было светло. Белый свет. Ровный. Как всегда. Я прошёл к стойке. Посмотрел на ячейки. Моя была 312.

Я не открывал её.

— Курьер триста двенадцать, — сказал голос. — Вы не отметили окончание смены.

— Я знаю.

— Нарушение регламента.

— Я знаю.

— Вам будет вынесено предупреждение.

— Мне всё равно.

Голос замолчал. Я стоял и смотрел на ячейку. Конверт был внутри. Я знал, что он там. Белый. Тонкий. Красная печать.

Я хотел открыть. Взять. Прочитать.

Я не открыл.

Я прошёл в конец ангара. Там была комната для курьеров. Маленькая. Четыре стула. Стол. Автомат с водой. На стене — экран. На экране — список смен.

Моё имя было в списке. Триста двенадцать. Смена начиналась в восемь.

У меня было два часа.

Я сел на стул. Стул был жёстким. Все стулья здесь были жёсткими. Чтобы не засиживались.

Я смотрел на экран. Имена сменялись. Кто-то принимал заказы. Кто-то выезжал. Кто-то возвращался.

Все они были мёртвыми. Как я. Все они возили посылки. Счастье с доставкой.

Я думал о том, как оказался здесь.

Два года назад я открыл глаза. Лежал на этом стуле. В этой комнате. Не помнил, как умер. Не помнил, что было до.

Первое, что я увидел, — женщина. Высокая. Худая. Волосы собраны в пучок. Белый халат. Очки в тонкой оправе.

— Вы меня слышите? — спросила она.

— Да.

— Как вас зовут?

Я помнил имя. Своё. Её. Всё. Вспомнил всё за секунду. Как взрыв. Как будто память ждала, когда спросят.

— Алексей, — сказал я.

— Алексей, вы умерли. Но у вас есть выбор.

Я смотрел на неё. Думал, что это шутка. Или бред. Или реанимация, и сейчас прибегут врачи.

Никто не прибежал.

— Какой выбор? — спросил я.

— Вы можете работать на нас. Развозить посылки. Доставлять счастье.

— Звучит как дерьмо.

— Это ваше дело. Второй вариант — уйти. Насовсем. Без возврата.

— Куда уйти?

— Я не знаю. Никто не знает. Может быть, в ничто. Может быть, в другое место. Это ваш риск.

Я сидел на стуле. Смотрел на свои руки. Они были моими. Те же шрамы. Та же родинка на запястье. Но цвет был другим. Бледным. Неживым.

— Если я соглашусь, — сказал я, — я смогу видеть её?

Женщина посмотрела на меня поверх очков.

— Вы сможете видеть всех. Но вы не имеете права вмешиваться. Вы не имеете права раскрывать себя. Вы работаете. Доставляете. Уходите.

— А если я нарушу?

— У нас есть правила. За нарушение — предупреждение. Три предупреждения — увольнение. Увольнение — это тот же второй вариант. Уйти насовсем.

Я подумал.

— Мне нужна работа, — сказал я.

Это была неправда. Мне не нужна была работа. Мне нужен был шанс. Шанс увидеть её. Хотя бы раз.

— Вы приняты, — сказала женщина. — Ваш номер — триста двенадцать. Форму получите на складе.

Она встала. Направилась к двери.

— Пойдите, — сказал я. — Как вас зовут?

Она обернулась.

— Меня зовут не важно. Я диспетчер. Вы будете слышать мой голос. Этого достаточно.

Она вышла.

Я остался.

Теперь я сидел в той же комнате. Смотрел на экран. Думал о том, что два года я соблюдал правила. Не вмешивался. Не раскрывался. Доставлял и уходил.

Я видел её дважды. Первый раз — через месяц после начала работы. Я получил заказ на её адрес. Посылка была маленькой. Я стоял под дверью. Слышал её шаги. Она открыла. Я отдал коробку. Она расписалась. Не посмотрела на меня. Я ушёл.

Второй раз — через полгода. Снова её адрес. Я снова стоял под дверью. Она открыла. Посмотрела на меня. Сказала: «Вы похожи». Я сказал: «Распишитесь». Она расписалась. Я ушёл.

После этого я отправил шкатулку. Не через компанию. Через обычную почту. Я знал, что это нарушение. Но я хотел, чтобы она получила кольцо. Не как курьер. Как тот, кто не успел подарить.

Шкатулка вернулась. Через месяц. С пометкой «Адресат не проживает».

Я проверил адрес. Она жила там. Я знал. Я видел свет в окнах. Я видел её тень на шторах.

Она не приняла посылку. Потому что не знала отправителя. Потому что я не мог написать обратный адрес. У мёртвых нет обратного адреса.

Тогда я сделал заказ через компанию. Заполнил форму. Указал свою фамилию. Своё имя. Свой номер курьера.

— Отправитель мёртв, — сказал диспетчер.

— Я знаю.

— Это разрешено. Но вы не можете указать себя как отправителя. Получатель не должен знать.

— Тогда не указывайте.

— Мы укажем: «Без отправителя».

— Хорошо.

Шкатулка ушла. Я ждал два месяца. Потом получил уведомление: «Доставлено».

Я не знал, открыла ли она. Не знал, узнала ли. Не знал, надела ли кольцо.

Теперь я знал.

Она надела.

Я сидел на стуле. Смотрел на экран. Восемь часов. Моя смена.

Я встал. Прошёл к стойке. Открыл ячейку.

Конверт лежал там. Я взял его. Положил в карман.

— Курьер триста двенадцать, — сказал голос. — Ваш маршрут.

Планшет пискнул. На экране появился адрес. Не её. Другой. Улица Садовая, дом семь, квартира пятнадцать. Получатель: Мария Ивановна Соколова.

Я посмотрел на планшет. Потом на конверт в кармане.

— У меня есть дополнительный груз, — сказал я.

— Вы не доставили его вчера.

— Я знаю.

— Вы должны доставить его сегодня.

— Я доставлю.

Я вышел из ангара. Фургон стоял на том же месте. Мокрый. Серый. Я сел за руль. Завёл двигатель.

Планшет проложил маршрут. Садовая, семь. Время в пути — двадцать минут.

Я выехал.

Город просыпался. Люди шли на работу. Женщины везли детей в сады. Старики сидели на скамейках. Смотрели на небо. Ждали солнца.

Я ехал по улице Чехова. Слева был рынок. Палатки. Люди с сумками. Продавцы кричали. Пахло мясом и зеленью.

Я помнил этот рынок. Мы ходили сюда по субботам. Она выбирала фрукты. Долго. Придирчиво. Я стоял рядом. Держал сумку.

— Эти не бери, — говорил я. — Они мягкие.

— Мягкие — значит спелые, — отвечала она.

Она всегда была права.

Я свернул на Садовую. Дом семь был старым. Дореволюционным. С колоннами. С лепниной. Краска облупилась, но дом всё ещё был красивым. Красота не уходит. Она стареет. Как люди.

Я припарковался. Взял посылку. В этот раз коробка была больше. Тяжелее. Я поставил её на край фургона. Открыл планшет.

— Заказ триста сорок три, — сказал голос. — Приступить к доставке?

— Да.

Я взял коробку. Пошёл к подъезду.

Дверь была тяжёлой. Дуб. С бронзовой ручкой. Я толкнул. Внутри пахло старым деревом и пылью. Лестница была широкой. Перила чугунные. На втором этаже — витраж. Цветное стекло. Солнце пробивалось сквозь него, и на стенах были красные и синие пятна.

Я поднялся на третий этаж. Квартира пятнадцать была справа.

Я постучал.

Никто не открыл.

Я постучал снова.

Тишина.

Я посмотрел на планшет. Адрес верный. Время доставки — утро. Люди обычно дома по утрам.

Я постучал в третий раз.
За дверью послышались шаги. Медленные. Тяжёлые.
Дверь открылась.
Старуха. Лет семьдесят. Сухая. Маленькая. В платке. Глаза светлые. Внимательные.
— Вам чего? — спросила она.
— Доставка. Мария Ивановна Соколова?
— Я.
— Распишитесь.
Я протянул планшет. Она взяла. Посмотрела на экран. Потом на меня.
— От кого? — спросила она.
— Не указано.
— Это мне?
— Вам.
Она расписалась. Медленно. Выводила каждую букву. Рука дрожала.
Я отдал коробку. Она взяла. Коробка была тяжёлой. Она чуть не выронила. Я поддержал.
— Спасибо, сынок, — сказала она.
Я кивнул. Повернулся, чтобы уйти.
— Постой, — сказала она.
Я остановился.
— Ты не похож на других.
— На кого?
— На курьеров. Которые приходят. Ты похож на живого.
Я стоял. Смотрел на неё.
— Я просто курьер, — сказал я.
— Знаю. Но всё равно. Заходи. Чай попьёшь.
— Я не пью чай.
— А что ты пьёшь?
— Ничего.
— Станный ты. Ну как хочешь.
Она закрыла дверь.
Я стоял в коридоре. Смотрел на дверь. Потом на конверт в кармане. Потом на планшет.
Я должен был ехать дальше. Новые заказы. Новые адреса. Новые жизни.
Я не поехал.
Я сел на подоконник. Достал сигарету. Закурил.
Витраж бросал цветные тени. Красные. Синие. Они лежали на полу, как куски стекла.
Я думал о том, что сказала старуха. «Ты похож на живого».
Я не чувствовал себя живым. Я не ел. Не пил. Не спал. Я просто существовал. Ездил.
Стоял под дверями. Смотрел.
Но иногда, когда я смотрел на неё, я чувствовал. Что-то. Тёплое. Близкое. То, что забыл.
Я потушил сигарету. Спустился вниз. Сел в фургон.
Планшет пискнул.
— Курьер триста двенадцать. Новый заказ.
— Принять.
— Улица Ленина, дом двадцать четыре, квартира восемь.
Я замер.
— Повторите адрес.
— Улица Ленина, дом двадцать четыре, квартира восемь. Получатель: Анна Сергеевна
Воронцова.
Я смотрел на планшет. Не верил. Не мог поверить.

— Это ошибка, — сказал я.

— Ошибок не бывает.

— Я только что был у неё. Вчера.

— Сегодня новый заказ.

— Кто отправитель?

— Не указано.

Я сжал планшет.

— Я не могу.

— Курьер триста двенадцать. Вы должны выполнять заказы. Это ваша работа.

— Я знаю.

— Тогда примите заказ.

Я молчал.

— Курьер триста двенадцать. Если вы не примете заказ, это будет нарушение. Второе предупреждение.

Я закрыл глаза.

— Принимаю, — сказал я.

Я завёл двигатель. Выехал с Садовой. Повернул на набережную.

Дорога была пустой. Я ехал быстро. Слишком быстро. Фургон дрожал. Двигатель ревел.

Я не думал. Я просто ехал.

Я знал, что не должен этого делать. Я знал, что вчера нарушил правила. Я знал, что сегодня нарушу снова.

Мне было всё равно.

Я подъехал к её дому. Остановился. Посмотрел на окна. Третий этаж. Свет горел.

Я взял планшет. Нажал «Прибыл».

— Заказ триста сорок четыре, — сказал голос. — Время доставки — сейчас.

Я вышел из фургона. Взял посылку. Она была маленькой. Лёгкой. Как вчера.

Я пошёл к подъезду.

Ноги были тяжёлыми. Каждый шаг давался с трудом. Я не хотел идти. Но я шёл.

Я поднялся на третий этаж. Лампочка не горела. Я уже привык.

Я постучал.

Тишина.

Я постучал снова.

Шаги. Быстрые. Она бежала к двери.

Дверь открылась.

Она стояла в джинсах и свитере. Волосы мокрые. Только что мыла голову.

Она смотрела на меня. Я на неё.

— Опять ты, — сказала она.

— Доставка.

Она посмотрела на коробку. Потом мне в глаза.

— Ты был здесь вчера.

— Да.

— Ты приходил ночью. Звонил.

— Да.

— Зачем?

— Я не знаю.

Она взяла планшет. Расписалась. Быстро. Не глядя.

Я отдал коробку.

— Что это? — спросила она.

— Я не знаю.

— Ты всегда не знаешь?

— Да. Всегда.

Она держала коробку. Не открывала. Смотрела на меня.

— Ты можешь зайти? — спросила она.

— Нет.

— Почему?

— Правила.

— Какие правила?

— Я не могу.

— Ты вчера смог.

— Я нарушил.

— Нарушь ещё раз.

Я стоял. Смотрел на неё. Она была красивой. Не той красотой, которая бывает в двадцать.

Другой. Той, которая не проходит.

— Пожалуста, — сказала она.

Я переступил порог.

Квартира пахла шампунем и кофе. И ею. Теплом. Жизнью.

Я закрыл дверь.

Она прошла на кухню. Я за ней.

На столе стояла шкатулка. Открытая. Кольцо лежало рядом. Она сняла его. Или не надела. Я не знал.

Она поставила коробку на стол. Открыла.

Внутри был шарф. Синий. Длинный. Шерстяной.

Она достала его. Посмотрела.

— Это мамин, — сказала она. — Я потеряла его пять лет назад.

Я молчал.

— Как это возможно? — спросила она. — Откуда они знают?

— Я не знаю.

— Ты врешь.

— Я не вру. Я просто доставляю.

Она накинула шарф на плечи. Села.

— Я вчера не спала, — сказала она. — Думала о тебе.

— Не надо было.

— А надо было не приходить.

Я сел напротив.

— Ты изменился, — сказала она. — Но я узнала. Сразу. Как только ты открыл дверь.

Я узнала глаза.

— Это просто курьер.

— Не просто. Ты. Это ты.

Она смотрела на меня. Глаза были сухими. Твёрдыми. Но губы дрожали.

— Я ждала тебя двадцать лет, — сказала она. — Я ждала, пока не поняла, что ты не придёшь. Я вышла замуж. Он был хорошим. Он любил меня. Я родила дочь. Она выросла. Уехала. Он умер. Три года назад.

— Я знаю.

— Откуда?

— Я видел. Я следил за тобой.

— Следил?

— Не следил. Просто видел. Когда приезжал с заказами.

— Ты приезжал раньше?

— Да. Два раза.

Она закрыла лицо руками.

— Два раза, — сказала она. — Ты был здесь. А я не знала.

— Ты сказала, что я похож.

— Я помню. Я думала, что схожу с ума.

— Нет. Это был я.

Она убрала руки. Посмотрела на меня.

— Почему ты не сказал?

— Не мог. Правила.

— К чёрту правила. Ты мёртв. Что они сделают? Убьют тебя?

— Уволят. А увольнение — это конец. Насовсем.

— Какой конец?

— Я не знаю. Ничто. Темнота. Я не хочу.

Она встала. Подошла к окну. Стояла спиной.

— Ты боишься, — сказала она.

— Да.

— Ты всегда боялся.

— Да.

Она повернулась.

— Двадцать лет назад ты боялся подарить кольцо. Теперь ты боишься остаться.

— Я не могу остаться. Я мёртв.

— Ты здесь. Ты сидишь напротив. Ты говоришь со мной. Это не смерть.

— Это не жизнь.

— А что это?

— Работа.

Она усмехнулась. Горько.

— Работа, — повторила она. — Ты умер, чтобы работать курьером.

— Я умер, чтобы увидеть тебя.

Тишина.

Она смотрела на меня. Я на неё.

— Зачем ты пришёл сегодня? — спросила она.

— Мне дали заказ.

— Не ври.

Я молчал.

— Зачем ты пришёл? — повторила она.

— Я хотел тебя увидеть.

— Увидел. И что дальше?

— Не знаю.

Она подошла ко мне. Села рядом. Взяла мою руку. Её пальцы были тёплыми. Мои — холодными.

— Ты чувствуешь? — спросила она.

— Да.

— Что?

— Тепло.

— Это жизнь, — сказала она. — Моя жизнь. Я могу отдать её тебе. Всю. Остатки. Мне шестьдесят. Я не молодая. Но я живая. Я могу согреть тебя.

— Ты не понимаешь.

— Что я не понимаю?

— Я не могу взять твою жизнь. Я не могу остаться. Если я останусь, они заберут меня. Или тебя. Я не знаю. Но что-то будет. Что-то плохое.

— Откуда ты знаешь?

— Я видел. Я видел, что бывает с теми, кто нарушает.

— Что бывает?

— Их забирают. Они исчезают. Не возвращаются.

Она сжала мою руку.

— Тогда не нарушай, — сказала она. — Уходи. Работай. Возись свои коробки. Но приходи. Когда можешь. Приходи.

— Я не могу. Если я приду снова, они узнают. Они уже знают.

— Тогда пусть знают.

— Ты не понимаешь.

— Я всё понимаю. Ты боишься. Ты всегда боялся.

Она отпустила мою руку. Встала.

— Уходи, — сказала она.

— Анна...

— Уходи. Пока я не начала просить тебя остаться.

Я встал. Посмотрел на неё. Она стояла у окна. Свет падал на её лицо. Морщины. Седина. Жизнь.

— Я люблю тебя, — сказал я.

Она не ответила.

Я повернулся. Вышел.

Дверь за мной закрылась.

Я стоял в коридоре. Лампочка не горела. Темнота. Тишина.

Я достал конверт из кармана. Посмотрел на него. Печать. Две линии. Красные.

Я мог постучать. Отдать. Сказать: «Это тебе. Дополнительный груз». И уйти.

Я не постучал.

Я сунул конверт обратно. Спустился вниз. Вышел на улицу.

Солнце было высоко. Ярко. Больно для глаз. Я сощурился.

Фургон стоял на месте. Я сел за руль. Посмотрел на планшет.

— Заказ триста сорок четыре выполнен, — сказал голос. — Статус: доставлен.

Я выключил планшет.

Я сидел и смотрел на её окна. Свет горел. Она ходила по комнате. Я видел тень. Она остановилась у окна.

Я завёл двигатель. Выехал.

Я ехал по городу. Не знал куда. Просто ехал. Мимо парков. Мимо школ. Мимо домов, где жили чужие люди.

Я думал о том, что сказала она. «Приходи. Когда можешь».

Я не мог.

Я думал о том, что сказал я. «Я люблю тебя».

Я не должен был этого говорить.

Я остановился у набережной. Вышел. Сел на скамейку.

Река была спокойной. Серой. Солнце отражалось в воде, и казалось, что вода горит.

Я достал конверт.

Я знал, что должен открыть. Должен прочитать. Должен понять, что внутри. Может быть, там ответ. Может быть, там объяснение. Может быть, там письмо, которое изменит всё.

Я не открыл.

Я положил конверт на скамейку. Смотрел на него.

Ветер подул. Конверт чуть не улетел. Я придержал.

— Ты всегда боялся, — сказала она.

Она была права.

Я боялся. Боялся открыть. Боялся узнать. Боялся сделать шаг.

Я взял конверт. Сунул в карман.

Встал.

Я пошёл к фургону. Сел за руль. Завёл двигатель.

Планшет пискнул.

— Курьер триста двенадцать. Новый заказ.

— Принять.

— Улица Ленина, дом двадцать четыре, квартира восемь.

Я замер.

— Повторите, — сказал я.

— Улица Ленина, дом двадцать четыре, квартира восемь. Получатель: Анна Сергеевна

Воронцова.

— Это третий заказ за два дня.

— Это ваш маршрут.

— Кто отправитель?

— Не указано.

Я сжал руль.

— Я не могу.

— Курьер триста двенадцать. Если вы не примете заказ, это будет нарушение. Второе предупреждение.

— У меня уже есть предупреждение.

— Тогда это будет третье.

— Третье — увольнение.

— Да.

Я закрыл глаза.

— Принимаю, — сказал я.

Я развернулся. Поехал обратно.

Я ехал медленно. Слишком медленно. Машины сигналили. Обгоняли. Я не обращал внимания.

Я думал. Думал о том, что это не случайно. Кто-то заказывает посылки на её имя. Снова и снова. Кто-то хочет, чтобы я приезжал. Кто-то проверяет меня.

Или это она. Может быть, она заказывает. Чтобы видеть меня. Чтобы я приходил.

Я не знал.

Я подъехал к её дому. Остановился.

Взял посылку. Она была маленькой. Лёгкой. Как всегда.

Я пошёл к подъезду.

Ноги не слушались. Я шёл, как во сне. Медленно. Тяжело.

Я поднялся на третий этаж. Лампочка не горела. Я уже не ждал, что она загорится.

Я постучал.

Дверь открылась сразу. Будто она стояла и ждала.

Она смотрела на меня. Я на неё.

— Опять, — сказала она.

— Опять.

— Третий раз за два дня.

— Да.

Она взяла планшет. Расписалась.

Я отдал коробку.

Она открыла её. Внутри была фотография. Чёрно-белая. Двое. Молодые. В парке. На скамейке.

Я узнал.

Это мы. Двадцать лет назад. Я сидел, обняв её. Она смеялась. Я смотрел на неё.

— Откуда это? — спросила она. — У меня такой нет.

— Я не знаю.

— Ты врёшь.

— Я не вру.

Она держала фотографию. Пальцы дрожали.

— Кто это делает? — спросила она. — Кто посылает мне мою жизнь?

— Я не знаю.

— Ты должен знать. Ты курьер. Ты работаешь на них.

— Я просто везу. Я не знаю, что внутри.

Она посмотрела на меня. Долго. Потом сказала:

— Ты врёшь. Ты знаешь. Ты всегда знал.

Я молчал.

Она подошла ближе.

— Что в конверте? — спросила она.

Я вздрогнул.

— Каком конверте?

— Я видела. У тебя в кармане. Белый. Ты принёс его вчера. И сегодня. Ты не отдаёшь.

Что там?

— Это не твоё.

— Всё, что ты приносишь, моё. Это правило. Ты сказал.

Я стоял. Смотрел на неё. Конверт был в кармане. Я чувствовал его. Тонкий. Лёгкий.

— Отдай, — сказала она.

— Не могу.

— Почему?

— Я не знаю, что там.

— Тогда открой.

— Не могу.

— Боишься?

— Да.

Она взяла меня за руку.

— Дай мне конверт, — сказала она. — Я открою сама.

Я смотрел на её руку. Тёплую. Живую.

— Если я отдам, — сказал я, — это будет конец.

— Какой конец?

— Я не знаю. Но я чувствую. Если я отдам, что-то случится.

— Что может случиться? Ты уже мёртв.

— Я могу исчезнуть.

Она отпустила мою руку.

— Ты боишься исчезнуть, — сказала она.

— Да.

— Но ты уже исчез. Двадцать лет назад. Ты исчез из моей жизни. Ты оставил меня. Ты не пришёл. Ты не подарил кольцо. Ты не сказал, что любишь. Ты просто умер. Исчез.

— Я не хотел.

— Я знаю. Но ты исчез. А теперь ты здесь. Ты стоишь передо мной. Ты говоришь, что любишь меня. Но ты боишься отдать мне письмо. Какое-то письмо.

— Это не просто письмо.
— А что?
— Я не знаю.
Она смотрела на меня. Глаза были мокрыми.
— Уходи, — сказала она.
— Анна...
— Уходи. Я не хочу тебя видеть. Не хочу твоих посылок. Не хочу твоих писем. Уходи.
Я повернулся. Пошёл к лестнице.
— Лёша, — сказала она.
Я остановился.
— Приходи завтра, — сказала она. — С конвертом. Или без. Но приходи.
Я не обернулся.
Я спустился вниз. Вышел на улицу.
Солнце садилось. Небо было красным. Как печать на конверте.
Я сел в фургон. Завёл двигатель.
Я ехал на склад. Знал, что должен сдать фургон. Отметится. Получить новую смену.
Я знал, что конверт всё ещё в кармане. Что я не отдал его. Что я не открыл его.
Я знал, что завтра будет новый заказ. Новый адрес. Новая жизнь.
Я знал, что приду.
Я всегда приходил.
Я припарковался. Выключил двигатель. Вышел.
Склад был пуст. Белый свет. Ровный.
Я прошёл к ячейке. Открыл. Положил конверт.
Закрыл.
— Смена окончена, — сказал голос. — Отдыхайте.
Я стоял. Смотрел на ячейку.
— Почему вы посылаете меня к ней? — спросил я.
— Это ваш маршрут.
— Вы знаете, кто она для меня.
— Мы знаем всё.
— Тогда зачем?
— Это ваша работа.
— Это не работа. Это пытка.
Голос молчал.
— Почему вы не уволите меня? — спросил я. — Я нарушил правила. Три раза. Я входил в квартиру. Я раскрыл себя. Я не доставил груз.
— У вас есть ещё время.
— Сколько?
— Завтра. Вы должны доставить конверт завтра.
— А если нет?
— Вы знаете.
Я стоял. Смотрел на ячейку. Конверт был внутри. Белый. Тонкий. Красная печать.
Я развернулся. Вышел.
Ночь была холодной. Звёзд не было. Только тучи.
Я шёл по набережной. Думал о завтрашнем дне.
Я знал, что должен выбрать. Отдать конверт — исчезнуть. Не отдать — увольнение. Тоже исчезнуть.
Или остаться с ней. Нарушить все правила. Не уйти. Не доставить. Просто быть.
Я не знал, что выберу.

Я шёл, и ветер дул в лицо. Холодный. Честный.
Я думал о том, что она сказала: «Приходи завтра».
Я приду.
Я всегда приходил.

Глава 3. Правила

Я не спал. Мёртвые не спят. Но я сидел в фургоне и смотрел, как город просыпается.

Сначала светлело небо. Серое, потом розовое, потом серое снова. Потом зажигались окна. Сначала на окраинах, потом в центре. Люди вставали. Варили кофе. Смотрели в окна. Не знали, что за ними кто-то смотрит.

Я смотрел.

Я сидел на набережной. Фургон стоял у парапета. Я выключил двигатель ещё вчера. Не хотел возвращаться на склад. Не хотел видеть белый свет. Не хотел слышать голос.

Голос всё равно меня нашёл.

— Курьер триста двенадцать, — сказал планшет. — Ваша смена начинается через час.

Я не ответил.

— Курьер триста двенадцать, подтвердите выход на линию.

Я взял планшет. Посмотрел на экран. Список заказов. Три адреса. Первый — её.

Улица Ленина, двадцать четыре, квартира восемь. Получатель: Анна Сергеевна Воронцова. Груз: конверт.

Я положил планшет на пассажирское сиденье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.